

5. Березина Н. «Жемчужина Камчатки» – рецепт вашего здоровья // Камч. время. 2003. 24 сент. С. 16.
6. Березина Н. Таблица Менделеева в термальных источниках военного санатория // Камч. время. 2003. 22 окт. С. 18.
7. Грушко В. Знаете ли вы «Зеленовские озера»? // Елиз. вест. 2004. 11 июня. С. 3.
8. Живая связь времен. Поселок Сокоч / сост. Е. С. Григорьянц. Елизово : МУ ЦБС, 2004. 42 с. (К 55-летию Елизовского района).
9. Истокова Е. Источник радости и здоровья // Аргументы и факты. 2003. № 24. Прил. : АиФ-Камчатка. С. 6.
10. Камчатка. Елизовский район. 55 лет : / сост., авт. слайдов и отв. ред. Е. Г. Лобков. – М. : ЛОГАТА, 2004. 160 с. : ил.
11. Каратаев С. М. Живая вода : [беседа с ген. дир. ООО «Аквариус» С. М. Каратаевым / вела Е. Петровская] // Елизово. 2003. 22 окт. С. 3.
12. Комаров В. Л. Пребывание в Паратунских клочках: Гл. IV / В. Л. Комаров // Избр. соч. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 45–57.
13. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. М., 1948. С. 93–98.
14. Лодис Ф. А. Горячие источники Камчатки. Курорт «Начики» / Ф. А. Лодис. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1976. 53 с.
15. Лодис Ф. А. Камчатка – край лечебный / Ф. А. Лодис, В. И. Семенов. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1993. 150 с.
16. Морозов В. Источник здоровья // Камч. правда. 1978. 23 дек.
17. Паратунка / сост. Т. А. Шелех. Елизово : МУ ЦБС, 2004. 23 с. (К 55-летию Елизовского района).
18. Пийп Б. И. Термальные ключи Камчатки / Пийп Б. И. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 268 с.
19. Рычков И. Болезнь, смерть и загробная жизнь санатория «Начики» // Вести. 2001. 28 июля. 4 авг. С. 4.

А. И. Кириллова

О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ БЫСТРИНСКИХ ЭВЕНОВ

Любой этнос обладает специфической, только ему присущей духовной культурой. Небольшой этнос, попадающий под влияние мощного цивилизационного потока, ассимилируется под его давлением, утрачивая либо часть своей культуры, либо всю ее полностью. То же самое можно сказать и о быстринских эвенах, которые ощутили на себе сильное воздействие сначала своих ближайших соседей – коряков, отделивших их от основной этнической группы эвенов, а затем русской цивилизации, частично их ассимилировавшей. И даже в этих условиях данный этнос сумел сохранить своеобразие своей культуры.

Это произошло благодаря тому, что эвены весьма трепетно относятся к основным элементам своей культуры: обрядам, мифам и танцам. Обряды, мифы и танцы – это три культуuroобразующих и культуросохраняющих базиса, на которых основываются все остальные элементы культуры.

Миф – это выражение сознания этноса, его космогонических (о происхождении Земли и Вселенной), теогонических (о происхождении богов) представлений, его традиционных ценностей, религиозных верований. На основе мифов создаются более развитые формы народного эпоса – сказки, поговорки, байки, а также суеверия и приметы.

Обряд – это выражение сакрального смысла религиозных верований, хотя и внешнее. Оно яркое и красочно оформлено и этим привлекает внимание к скрытому смыслу. В него посвящены бывают не все присутствующие, но, тем не менее, свою функцию по привлечению внимания обряды выполняют успешно. В обряде участвуют многие из-за внешней стороны, иногда не зная его смысла.

Танец и песня – это самые яркие и почти неотъемлемые части обряда, которые сплачивают всех присутствующих и участвующих воедино. Ритуальный танец – самая оживленная часть обряда, привлекающая наибольшее внимание, а песня обеспечивает звуковое оформление обряда. Не случайно большинство этнографов при описании культуры любого малого народа прежде всего упоминают ритуальные танцы и песнопения.

Учитывая это, автор при освещении верований эвенов будет касаться не только сакрального смысла, но и внешней, обрядовой стороны религиозных верований.

С типологической точки зрения система религиозных воззрений древних эвенов характеризуется как анимизм с элементами тотемизма и фетишизма. По представлениям последователей данных религиозных идей, все существующие миры имеют принципиально одинаковое устройство, так как они населены одними и теми же существами в различных ипостасях (живыми и мертвыми людьми). «Для анимистического мировоззрения характерно тождество сверхъестественных и живых

существ: они не причиняют людям вреда, если те не причиняют зла им; духи отнюдь не всемогущи и могут попадать в затруднительные ситуации и даже обращаться за помощью к человеку. Модель мира весьма традиционна для палеоазиатских народов. Вселенная представляется в виде трех миров-сфер: мир живых (средний), мир умерших (нижний), мир Богов (верхний). Во всех мирах жизнь напоминает земную, но с некоторыми особенностями: в верхнем мире дома из золота или серебра, а в нижнем из железа (1). В религии эвенов огромную роль играли шаманы. Дар шаманизма передавался по материнской линии, шаману было запрещено охотиться, поэтому весьма часто шаманами становились те, кто по состоянию здоровья не мог заниматься промыслом. Шаман призван был объяснить строение и происхождение мироздания, анализировать и предсказывать будущее, провожать умерших в иной мир, узнавать и рассказывать сородичам новости и лечить больных. Функция врачевания делала шамана особенно почитаемым и важным человеком у народов с такой системой верований.

У эвенов существовало главное верховное божество – Сэвэки. Оно живет в верхнем мире и создает средний мир (человек, животные, птицы, реки, горы и т. п.) из искр, высекаемых огнем. Помимо верховного божества, к которому отнесены Солнце, Луна и Земля, мифологический пантеон эвенов наполнен множеством духов-хозяев. В соответствии с их функциональной деятельностью они делятся на духов-покровителей (духи-хозяева) и духов-помощников верховных божеств. Духи-хозяева выступают в мифах в виде пожилых женщин и почтенных старцев, к которым люди обращаются в затруднительных ситуациях. Помимо духов-покровителей существуют и вредные для человека духи, вызывающие тяжелые болезни у людей и оленей. Они поселяются в местах, именуемых «долинами опасных духов», которые человек обходит стороной.

Каждый предмет или явление природы имеют своего духа-хозяина. Существуют духи-хозяева стихий природы и географических объектов, например, огня, воды, горы и т. п. Своего духа-хозяина имеют даже животные – это особо крупное старое животное. Но отношение к духам-хозяевам разное, их почитают в зависимости от того, в какой степени зависит от духа благополучие самого человека. По этим причинам наиболее почитаемы были духи-хозяева огня, рек, оленей, лесов. «Таких духов обычно представляли антропоморфными существами; некоторые из них могут быть «с куклу размером (хозяин огня), другие – с человека ростом, а третьи – во много раз больше (хозяин ветра, хозяин реки, хозяин местности). Хозяин огня описывается по-разному: в виде старичка или старушки. Дух-хозяин оленей изображается как мужчина в белой одежде, а иногда в виде оленя. Многие эвены считают, что нельзя смотреть в лицо хозяина оленей, иначе человек может лишиться всех своих оленей. Хозяин земли и леса – медведь, хозяин горы – снежный баран, хозяин моря – сивуч, хозяин реки – выдра (2).

Особые почести оказывались всегда духу-хозяину огня. Приобщение к огню начиналось сразу с рождения ребенка. Младенца в люльке подвешивали над огнем на 1–2 минуты, прося у огня защиты. Очищение огнем проходили все гости. С этой целью гостям бросали под ноги угли и головешки, переступив через огонь, гости получали благословение. «В жертву огню приносили и первый ковш крови убитого домашнего оленя. Общепризнанным было «кормление огня» перед промыслом. В очаг бросали кусочки пищи, а после охоты – кусочки жира, сердца, головы, губ убитого животного и просили снова приносить охотнику удачу. Обряд кормления огня сохраняется и до сих пор. Усилившееся пламя символизирует, что жертва принята. Дух-хозяин огня может подавать сигналы об опасности: треск дерева в огне – предупреждение об опасности. Кроме того, запрещалось трогать огонь или кострище копьём, чтобы не поранить духа лица (3). Обряд кормления огня называли улекич.

Также эвены приносили жертвы хозяину реки: во время ледохода в реку бросали чай, табак, чтобы лето было теплым и река щедрой.

Жертвоприношения обязательно делались и многочисленным духам-хозяевам местности. В местах, опасных для жизни человека (обрывистые скалы, перевалы, переправы через реки), имелись специальные жертвенники, куда складывались различные мелкие предметы, монеты, кусочки ткани. Камчатские эвены таким образом задабривали крутой утес р. Быстрой.

Особенно почитались духи-хозяева тех мест, где человеку приходилось пасти оленей, охотиться, ловить рыбу. В этом случае дело не ограничивалось мелкими подарками, в жертву приносились даже олени. Оленя убивали до восхода солнца, подвешивали на жердях над землей головой на восток. После захода солнца мясо варили и ели. Голова, шкура и кости укладывались по особому обряду на жертвенном месте.

В особых случаях жертвенного оленя не съедали, а подвешивали или укладывали на земле. С конца XIX в. оленя в жертву хозяину местности приносят очень редко. Жертвуют обычно шкуру соболя или другого ценного пушного зверя. Сегодня же данное явление и вовсе не наблюдается.

Духу-хозяину земли могли приноситься в жертву предметы, по тем или иным причинам

вышедшие из употребления. По сообщению В. Е. Кундырь, в начале 30-х гг. XIX в. у эвенов ещё сохранялись охотничьи луки, но с появлением в достаточном количестве огнестрельного оружия их «положили на землю», «оставили», то есть отдали духу-хозяину земли. Среди эвенов существует запрет поднимать пищу, упавшую на землю: она уже «съедена» хозяином земли.

Одной из ипостасей духа-хозяина земли является мухомор. «Он же из земли вырос». Эвены считают, что мухомор «водит» человека, съевшего этот гриб, по своим владениям под землей, поэтому их использовали шаманы при исполнении обрядов.

«Важное место в религиозных воззрениях эвенов принадлежит культу семейно-родовых святынь. В каждой юрте обязательно имелось антропоморфное изображение духа хапта, являвшегося главным хранителем мира и спокойствия семьи» (4). Делали его из дерева крепкой породы, которое росло, обвившись вокруг другого, и уже в своём естественном состоянии выступало как бы в роли защитника.

Не менее интересны представления эвенов о душе. Они верили в реинкарнацию и в возвращение души после смерти человека в мир живущих в новой ипостаси – в виде новорожденного младенца, причем таким образом к живущим возвращаются их умершие родственники. Душа человека обладает свойством сверхъестественной связи с другими существами. У каждого человека есть свой хэвек – животное (олень или собака), с которым мистически связана душа человека. Болезнь хэвека может отразиться на состоянии человека. «Душа человека представлялась эвенкам совершенно свободной и независимой от других сверхъестественных существ в выборе своей судьбы; считалось, что возвращаться в мир людей или оставаться в мире мёртвых – выбор самого человека и его души» (5).

Как отмечают ведущие ученые-этнографы, «частью суеверно-религиозных представлений являются амулеты-охранители. Наиболее распространенные из них – камни-амулеты. В качестве амулетов используют кристаллы кварца, камни необычной формы, найденные при необычных обстоятельствах» (6). Амулеты, связанные с животными, также были в ходу. Это части тела животных – передние зубы, верхнее нёбо, губы, коготь медведя, лосиные уши и т. п., носимых амулетов у эвенов мало: голубая бусина на ровдужном ремешке (ее носят на шее), нитки бисера или браслеты на запястьях и т. п. В фольклоре эвенов встречаются упоминания об амулетах-охранителях, от которых зависело благополучие хозяина. Их называли эдек и хранили их в особой сумке.

Самым важным элементом духовной культуры являются космогонические представления этноса, которые отвечают на самые сложные для человека вопросы: кто мы, откуда мы появились, откуда появилась Земля и все животные? Космогонические представления эвенов отражены, как и у любого другого этноса, в мифах.

Существует миф о происхождении мира из тела восьминог оленя: «Девушка, изгнанная с неба, спустилась на восьминогом олене на поверхность моря. По всему морю она раскидала по воде клочки шерсти, превратившиеся в бревна, из которых она сделала плот. По настоятельной просьбе оленя она его убивает и разделяет его так, как он завещал. Тут же его шкура превратилась в землю, череп и горы – в кости, вши – в диких оленей. Когда она ломала его кости, то хруст превратился в гром, предсмертный вздох – в ветер. Сердце его стало богатырем, а легкие превратились в мальчика и девочку» (7).

А вот второй миф: «Верховный бог Солнца из воды создал птиц, рыб и животных. Затем из особой глины изготовил первых мужчину и женщину, вдохнув в них жизнь. А для того, чтобы они любили друг друга, он обменял им ребра» (8).

Существует и еще одна интересная версия происхождения эвенов: «У одного человека сгорел дом из соломы, и он пришел на берег моря, а там увидел людей, стрелявших в дерево из лука. Человек первой же стрелой расщепил ствол, из него вышла красивая девушка. С ней он вернулся к пожарищу, отстроил новый дом. Они имели много детей. От них и произошли эвены» (9).

Разнообразие космогонических мифов объясняется тем, что эвенский этнос был разделен на несколько ветвей, каждой из которых были присущи особые занятия и образ жизни, что, естественно не могло не отразиться в мифах. Первый из них характерен для оленеводов-кочевников, а последний – для приморских эвенов.

У эвенов существовал промыслово-тотемистический культ медведя, и, естественно, был миф о происхождении медвежьего праздника: «Однажды девушка провалилась в берлогу медведя. Зимой, чтобы не умереть от голода, она сосала его лапу. Весной медведь показал ей дорогу домой. Вскоре она забеременела и пропала. Нашли её в пещере, где она родила сначала медвежонка, затем ребёнка. Медвежонка, которого звали Накат, стала воспитывать бабушка. Когда он вырос, то ушёл в лес. Мальчик по имени Торгани тоже вырос, и однажды человек и зверь стали драться. Торгани убил Наката. Умирая, медведь научил людей, как нужно делать медвежий праздник – уркачак» (10).

Иносказательно, в обиходе, медвежий праздник называют стариковой (старухиной) свадьбой.

«Название же медведя – “накат” – в разговоре упоминать запрещалось. Вместо него, особенно на охоте, применяли специальные названия. Так, охотские и томпонские эвены называли медведя дэбэрэ, быстринские – плана, момские – дана, пенжинские – умьльнэ, кольымско-омолонские – умл, арманские – каки (11).

Добыв медведя и разделявая его тушу, охотники старались «убедить» зверя, что это не они его убили. Отделяя по суставам кости, рубить и резать которые категорически запрещалось, распорядитель обряда припевал: «Чимакчана киргад-дын, дилики киргаддын...» (12) («Мыши тебя грызут, горностаи грызут...»); вырезая шкуру около глаз, распорядитель каркал, как ворон.

Переднюю часть туши привозили в стойбище и устраивали медвежий праздник, на котором могли присутствовать лишь мужчины. Уркачак был внутренним праздником мужчин одного стойбища, одного рода. Мясо ели, отрезая ножом маленькие кусочки, откусывать его зубами было запрещено, это могло рассердить священного зверя. Еда чередовалась со спортивными состязаниями и всеобщим весельем. Затем привозили и варили заднюю часть туловища, которую уже могли есть и женщины. Самая старшая из них, получив первый кусок медвежьего мяса, бросала его в огонь очага, воздавая тем самым благодарственную и искупительную жертву священному животному. Пиршество заканчивалось общим танцем, после которого мужчины хоронили череп и кости медведя на специальном помосте. Считалось, что в черепе и костях медведя находится его душа. Кости скелета связывались вместе в анатомическом порядке, чтобы медведь как можно быстрее возродился. Перед захоронением кости наряжали – надевали корьевые очки на глазницы, серьги, браслеты. По мнению эвенов, все это было необходимо медведю для далекого пути. На лиственницу недалеко от помоста вешали кусок материи – хунматин, который должен был защищать людей и оленей от этого медведя в будущем.

Уркачак был праздником исключительно мужчин. Запреты, распространившиеся при проведении медвежьего праздника на женщин, были, очевидно, связаны с тем, что женщина считалась медведю более близкой родственницей, чем мужчина. Согласно мифу, она была его матерью.

В данном культе проявляется как тотемизм – родство человека и медведя, так и промысловый культ – медведь позволил людям убивать себя и своих родичей, чтобы выжить. Несмотря на табуированность добычи медведя, в случае голода эвены часто на него охотились, считая, что таким образом их родич спасает им жизнь. В целом, «роль животных в религиозных верованиях народов была удивительно разнообразной. В облике животных некогда представлялось божество. Животное считалось спутником или помощником бога... Животные выступали покровителями людей, помогали в промысле... Особое отношение к медведю было свойственно всем народам Северного полушария, жившим в тундре и тайге, где водится медведь, белый или бурый» ... (13).

У современных эвенов элементы тотемизма, фетишизма и анимизма сохранились лишь в обрядах, т. е. во внешнем проявлении, а мифологическое сознание практически полностью безвозвратно утрачено. Тем не менее, обвинять в этом советские власти было бы неправильно. Разрушение традиционной картины мира и мироощущения началось задолго до XX в., с принятием христианства. «Обращение эвенов в христианство началось в 1740-х гг. Крестившиеся получали на несколько лет освобождение от уплаты ясака... К концу XVIII в. крещение было завершено, распространились церковные браки, некоторые христианские обряды. Но эвены оставались шаманистами» (14). Иными словами, чтобы предотвратить полный крах картины мира, появляется двуверный синкретизм. Яркие его проявления можно увидеть в похоронном обряде эвенов: до XVIII в. умерших хоронили на деревьях или столбах, а с принятием христианства начали предавать земле, тем не менее, вместе с покойным в могилу складывали оружие (для мужчин) и предметы для рукоделия (для женщин), лучшие наряды и фигурку птицы (кор). Кроме того, на могиле приносили в жертву оленя из стада умершего человека. Крест на надгробии был также необычен – на нем вырезали силуэт птицы. Часто встречаются захоронения, в которых находят вырезанные из дерева фигурки птиц. А также элементы синкретизма можно отметить, проанализировав вышеприведенный миф о сотворении мира и людей (в котором упоминался обмен ребрами), сходство с христианским сотворением мира в некоторых сюжетных линиях очевидно: сотворение человека из глины, вдохновение жизни, обмен ребрами. Такая «адаптация» христианства помогала привыкшим к традиционным верованиям, существовавшим тысячелетиями, эвенам выжить и сохранить более-менее целостную картину мира.

Мотивом крещения для эвенов обычно выступала отнюдь не истинная вера, а освобождение от ясака. Наличие межэтнических браков с русским населением и непризнание традиционных браков русскими законами создавало наследникам огромные проблемы – они считались незаконнорожденными и могли быть лишены наследства. При всем стремлении сохранить традиционную систему мира и мироощущение, это не всегда удавалось. Христианство прочно входило в их быт: менялся календарь (начали жить по святцам), заключались церковные браки, в юртах появились иконы и т. д.

Все это вызывало кризис этнического самосознания, потерю самоидентичности и приводило к печальным последствиям: население спивалось.

Камчатские эвены пришли на наш полуостров уже крещеными. Как известно, они происходят от ветви эвенов, которые, по сведениям И. С. Гурвича, кочевали в районе Гижиги еще в конце XVIII в., затем при расселении по Камчатке они разделились на три группы, одной из которых и стали эвены-быстринцы. Тем не менее, христианство не стало для них истинной религией, оно было лишь официальной, но благодаря его вмешательству в традиционную систему мировоззрения и верований привычная целостная картина мира разрушалась.

С грустью об этом пишет в своих наблюдениях С. Бергман, который посещал Камчатку в 1920–1922 гг.: «Кажется мне и печальным и смешным то, что этих достойных жалости, одетых в шкуры диких людей, не имеющих никакого отношения к цивилизации, заставили позволить окрестить себя... Почему же ламуты не должны иметь права бить в свой магический барабан, как это делали их предки с незапамятных времен?» (15). В своих записках автор упоминает множество раз о пьянстве среди местного населения.

После Октябрьской революции, когда христианство было признано пережитком прошлого и начал насаждаться атеизм, основным орудием пропаганды новых ценностей стали Красные яранги. Работали они по так называемой «кольцевой системе». «Суть ее заключалась в том, что руководители колхозов и совхозов, секретари совхозных и колхозных партийных организаций, специалисты сельского хозяйства по утвержденному партийной организацией графику стали выезжать в бригады и проводить занятия с пастухами по определенным темам» (16). Насаждались атеизм и борьба с шаманизмом как формой эксплуатации трудового населения. Естественно, очередная волна, разрушающая привычную картину мира, не могла не вызвать противодействия: усиливается пьянство среди населения, появляются тайные молельные дома и шаманы продолжают играть достаточно важную роль в жизни общества, только теперь они тщательно скрывают род своей деятельности.

В 1990-е гг., после падения СССР, быстринские эвены, как и многие другие малые народности Севера, оказались на мировоззренческом распутье: их религиозная система представляла собой «лоскутное одеяло», состоящее из элементов традиционной картины мира, христианства и атеизма. Сейчас наблюдается стремление эвенов возродить традиционную культуру: организуется изучение родного языка; проводятся национальные праздники, сопровождающиеся обрядами, танцами, играми. Хочется надеяться, что народ, несмотря ни на что сохранивший свою культуру, сумеет передать ее следующим поколениям. А мифы, обряды, сказки предков будут понятны им и помогут ощутить себя частью своего народа. Решение данной проблемы – одна из важнейших культурных задач эвенского народа, работу над которой нельзя откладывать, так как само существование этноса находится под угрозой.

1. История и культура эвенов. СПб. : РАН, 1997. С. 111.
2. Там же. С. 115–116.
3. Там же. С. 117.
4. Там же.
5. Буркин А. А. История и культура эвенов // История и культура эвенов : сб-к статей. Магадан, 1992. С. 11.
6. Там же. С. 119.
7. Там же. С. 112.
8. Там же.
9. Там же. С. 113.
10. Там же. С. 120 (также подробную информацию о данном мифе можно найти в сб. : Легенды и мифы Севера / сост. В. М. Санги. М. : Современник, 1985. С. 200–212).
11. Там же.
12. Там же. С. 121.
13. Соколова З. П. Культ животных в религиях / З. П. Соколова. М. : Наука, 1972, С. 5–8.
14. Гурвич И. С. Этническая история Северо-востока Сибири / И. С. Гурвич. М., 1966. С. 83.
15. Бергман С. По дикой Камчатке / С. Бергман. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 107–108.
16. Романов Г. Н. Красные яранги – центры агитационно-массовой работы среди оленеводов // Краевед. записки. Петропавловск-Камчатский, 1971. Вып. 3. С. 25.